

Научная статья

УДК 821.161.1 + 82-31

DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-275-294

Концепт бедности-богатства как мотивная константа русской литературы

Людмила Павловна Якимова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

literaturovedy_ifl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7484-5020>

Аннотация

В широком хронологическом разрезе и посредством поэтико-смыслового анализа знаковых произведений русской литературы («Шинель» Н. В. Гоголя, «Бедные люди» Ф. М. Достоевского, «Три года» А. П. Чехова, «Плодородие» Вс. Иванова и др.) открывается как природная неизбежность социально-исторической ситуации богатства-бедности, так и ее мотивная доминантность в литературе, и в этом смысле непреодолимость конфликта социально и экзистенциально детерминированного взгляда на природу человека. Главное внимание сосредоточено на том богатстве интертекстуального поля русской литературы, которое возникает в результате мотивной переключки, творческого диалога и полемики писателей разных поколений в обнаружении онтологической связи богатства-бедности и стыда-совести, что предстает как фактор, цементирующий гуманистическую наполненность русской литературы.

© Якимова Л. П., 2022

Ключевые слова

русская литература, концепт бедности-богатства, мотивная эволюция, «Бедные люди» Ф. М. Достоевского, «Плодородие» Вс. Иванова, мотив стыда, онтологическая связь концептов бедности-богатства и стыда, интертекстуальный контекст

Для цитирования

Якимова Л. П. Концепт бедности-богатства как мотивная константа русской литературы // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 275–294. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-275-294

The Concept of Poverty-Wealth as a Motivational Constant in Russian Literature

Lyudmila P. Yakimova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
literaturovedy_ifl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7484-5020>

Abstract

In the wide chronological section and through poetic-semantic analysis of the main works of the Russian literature (for example, Gogol novel “Overcoat”, “Poor people” of F. M. Dostoevsky, Chehov’s novel “Three years” and Vs. Ivanov’s story “Fertility”) opens the inevitability of social historical motivation of richness-poverty, as well as its motif domination in the literature in the sense of the conflict of socially determined and existentially deterministic view of human nature. Primary focus is the wealth of intertextual field of Russian literature, which is caused by motive roll call, creative dialog and writers’ polemics of different generation, which appears as a factor cementing the humanistic orientation of the Russian literature.

Keywords

Russian literature, the concept of poverty-wealth, motive evolution, “Poor people” by F. M. Dostoevsky, “Fertility” by Vs. Ivanov, motive of shame, ontological connection between the concepts of poverty-wealth and shame, intertextual context

For citation

Yakimova L. P. The Concept of Poverty-Wealth as a Motivational Constant in Russian Literature. *Critique and Semiotics*, 2022, no. 2, pp. 275–294. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-275-294

Даже любовь не свела с ума столько людей,
сколько мудрствование о сущности богатства
и денег.

Уильям Гладстон
премьер-министр Великобритании
в 1868–1894 гг.

По сути означенная в заглавии тема является сквозной для русской литературы, даже и на номинативном уровне выявляя свою идейно-эстетическую значимость («Бедная Лиза» Карамзина, «Бедные люди» Достоевского, «Бедность не порок» Островского...), но более существенно ее смысловое и художественное богатство, скрытое за жанровым, стилевым, сюжетным и т. д. многообразием. Значение неоспоримой истины приняла известная фраза о том, что вся русская литература вышла из «Шинели» Гоголя, но если быть исторически точным, то русский реализм начался с появления известной литературной триады, в своем роде литературной трилогии, непреднамеренно составившейся из повестей Пушкина «Станционный смотритель» (1830), Гоголя «Шинель» (1842), романа Достоевского «Бедные люди» (1852), остро актуализировавших проблему маленького человека, отношений бедности и богатства, неимущих и власть предержащих и тем самым пробудивших интерес к поискам путей социальной справедливости и придавших неизбывность вопросам «кто виноват?» и «что делать?».

Правомочность определения этих произведений как своеобразной трилогии возникает не только благодаря общности их мотивно-проблемного поля, но главным образом благодаря их текстуальной связности, возникающей в результате того, что герои одного из авторов читают книги других авторов. Героиня романа Достоевского Варенька Доброселова пишет своему сердечному другу Макару Алексеевичу Девушкину: «Посылаю вам одну книжку, тут все разные повести; я прочла кое-какие; прочтите одну из них под названием «Шинель» [Достоевский, 1973, т. 1, с. 60]¹. Перед этим Макар Алексеевич по ее же рекомендации прочитал «Станционного смотрителя», и такое впечатление от повести получил, «словно сам написал, точно это, примерно говоря, мое собственное сердце, какое уж оно

¹ Далее текст романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» цитируется по этому изданию, в круглых скобках указаны номера страниц.

там ни есть, взял его, людям выворотил изнанкой, да и описал все это подробно – вот как!..» (с. 59). И как велик был восторг Макара Алексеевича от чтения «Станционного смотрителя», столь же негативен оказался его отклик на «Шинель». Исполненный читательского негодования, он воспринял ее как «пашквиль» на маленького человека, распространив свой гнев даже и на Вареньку, поставившую его как читателя «в такую крайность». По этому поводу он излагает и свою концепцию мироустройства: «... всякое состояние определяется всевышним на долю человеку» (с. 61), из чего следует, что он не восстает против сложившегося в мире разделения на бедных и богатых – «это уж по способности человека рассчитано: иной на одно способен, а другой на другое, а способности устроены самим богом» (с. 61), но против того, чтобы принижать человеческое достоинство маленького человека, не видеть его человеческого равенства с другими, сводить его лишь к социальной функции переживания своей имущественной бедности, не видя его способности ко всему богатству человеческих страстей и ощущений – любви, дружбы, эстетических наслаждений театром, книгой, природой... И, характеризуя себя как законопослушного гражданина – «в беспорядках никогда не замечен» (с. 61), он, скорее всего, осуждает и форму протеста Акакия Акакиевича Башмачкина, который в болезненном бреду «даже сквернохульничал, произнося самые страшные слова... тем более что слова эти следовали непосредственно за словом «ваше превосходительство» [Гоголь, 1959, т. 3, с. 164] ².

Действительно, акцентируя внимание на социальной забитости и человеческой незначительности своего героя и в то же время замыкая художественный образ в рамках авторской безоговорочности, Гоголь завершает повесть идеей слепого возмездия миру «значительных лиц» со стороны малых сих. Путем творческой воли переводя реалистическое повествование в разряд фантастического, сменив болезненную реакцию живого человека, обиженного титулярного чиновника, поступками чиновника-мертвеца, в финале повести Гоголь сталкивает читателя с неизбежной переменной социальных ролей: «бедным» теперь выглядит «ваше превосходительство»: «Бедное значительное лицо чуть не умер» (с. 158). И было отчего. Мертвец-чиновник с лицом Акакия Акакиевича хватается его за воротник: «А! так вот ты наконец! Наконец я тебя того, поймал за воротник! твоей-то шинели мне и нужно! Не похлопотал об моей, да еще и распек, – отдавай

² Далее текст повести Н. В. Гоголя «Шинель» цитируется по этому изданию, в круглых скобках указаны номера страниц.

же теперь свою!» (с. 158). Так шинель с плеч «значительного лица», т. е. сильного и богатого, перекечевала на плечи бедного: справедливость, хоть и в мире фантастики и путем насилия, восторжествовала. Как говорится, ничего личного, только социальное. Как в случае любого революционного переворота, происходит смена собственников: бедный становится богатым, богатый – бедным.

По сути дела через разное поведение своих героев – одинаково бедных и равных по титульному рангу чиновников – Гоголь и Достоевский вступают в сферу принципиально важных и в общем-то вечных вопросов о путях установления справедливости: эволюция или революция, «милость к падшим» или «к топору зовите Русь».

Гнев Макара Девушкина как читателя «Шинели» понятен, но его позиция выходит за рамки читательского вкуса, по большому счету восходит к онтологическим принципам автора повести. Мысль Достоевского прорывает пределы социального детерминизма, выходит на простор утверждения общечеловеческих истин. Его герой – маленький человек, но у него свое место в мире, «он нужен, необходим» (с. 60) и бедностью своей не торгуется, а по возможности скрывает ее – стыдится. Именно тогда онтологическая природа³ связи стыда и бедности проступает в литературе текстуально, в повести «Бедные люди» представ как лейтмотив: «У бедного человека, – объясняет Макар Алексеевич Вареньке, – на этот счет тот же стыд, что у вас, примером сказать, девический» (с. 69). Следуя законам герменевтики, необходимо обратить внимание, что если сам Девушкин в отношениях с людьми оперирует преимущественно понятиями не столько социальными, сколько нравственно-этическими, восходящими к общечеловеческим ценностям, то и «его превосходительство», переписывая бумаги которого чиновник сделал ошибку, не власть свою над ним демонстрирует, не всемогуществом своим упивается, а тоже что-то вроде стыда испытывает при виде бедственного облика подчиненного, и интонация совестливости, стеснительности, душевного смущения улавливается, когда он передает ему вынутую из книжника сторублевую ассигнацию: «Вот, – говорят они, – чем могу, считайте, как хотите... взял мою руку, – рассказывает Девушкин, – недостойную, да и потряс ее: “Ступайте, чем могу... Ошибок не делайте, а теперь грех пополам”» (с. 111).

³ См.: Зырянов О. В. Кто вышел из гоголевской «Шинели»? // Изв. Урал. гос. ун-та. 2002. № 24. С. 133–143.

Надо ли говорить, что критика и литературоведение, исповедовавшие принципы социального детерминизма, т. е. сторонники и натуральной школы, и революционно-демократической критики, и постреволюционного литературоведения, ставили «Шинель» выше «Бедных людей», а в советское время до определенной поры Достоевский вообще был выведен из читательского оборота.

Художественная литература надолго попала в плен критики, толкований и интерпретаций. Не миновал этого пленения и «наше всё» – А. С. Пушкин. Яркий пример – повесть «Станционный смотритель». Внешне повесть дает много поводов толковать ее лишь как сюжет бесправия маленького человека, о чем свидетельствует ее зачин: «Что такое станционный смотритель? Суший мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев...» [Пушкин, 1957, т. 6, с. 129]. Поэтический механизм, представленный четырьмя картинками на стене бедного жилища Самсона Вырина на сюжет библейской притчи о блудном сыне, не работал, попросту не улавливался. Что «Станционный смотритель» – это повесть не о злодее Минском, похитившем бедную Дуню, а русский вариант вечного сюжета о взаимной любви, о человеческой страсти, соединившей бедную и богатого, что главное в повести – драма непонимания отца и дочери, а не драма социального неравенства – всё это отступало перед идеей о торжестве социального неравенства, лихоимстве богатых и беззащитности бедных.

Глубинное понимание того, что роман Достоевского «Бедные люди» теснее, родственнее, духовнее связан с повестью Пушкина «Станционный смотритель», чем с хронологически более близкой ему повестью Гоголя «Шинель», отчетливо проступающее в работах Г. М. Фридендера [1962], не встречало поддержки официальных культурологов. Убедительные аргументы Е. И. Купреяновой в пользу доказательства того, что «маленький человек» Самсон Вырин обуреваем той же сильной страстью, что и «царственного» происхождения герои трагедий Шекспира, что страдает он не от бедности и не от оскорбленности богатым и надменным гусаром, а от родительского эгоизма – «ведь Дуня и Минский любят друг друга» [Купреянова, 1984, с. 289], постоянно наталкивались на непреклонность утверждения, что «гуманизму “Повестей Белкина” близки многие черты творчества Н. В. Гоголя и всей натуральной школы» [Мейлах, 1971, с. 99]. Именно это мнение Б. С. Мейлаха обрело значение официальной точки зрения и определило характер литературного портрета А. С. Пушкина в «Крат-

кой литературной энциклопедии» (1971), которая является важным справочным пособием до сих пор.

Оценить реальную значимость вклада русской литературы в сокровищницу мировой литературы невозможно без понимания творческой роли ее писателей в художественном осмыслении мотивного концепта богатства-бедности. Художественное освоение этого мотивно-тематического пространства сказалось на безостановочном обновлении поэтического языка, жанровой системы, типажно-образного состава национальной литературы, разумеется, на определении путей и судеб самих творцов литературы.

Яркую страницу национальной литературы в аспекте идейно-эстетического развития темы богатства-бедности представляет творчество А. Н. Островского. Выведенная на номинативный уровень заглавия в пьесах «Банкрот», «Бешеные деньги», «Бедность не порок», «Бесприданница», в многообразии поэтико-смысловых поворотов она нашла глубокое отражение и во многих других его пьесах. В пьесе «Женитьба Бальзаминова» (1861) мечта водевильного героя о богатстве обретает характер социальной утопии о всеобщем равенстве и счастье. водевильный характер пьесы не является препятствием к тому, чтобы зритель или читатель реально осознал утопическую несбыточность тех вариантов разрешения проблемы социального равенства, которые зреют в народном сознании. «Ах, маменька, – рассуждает Бальзаминов, – какая это обида, что все на свете так нехорошо заведено! Богатый женится на богатой, бедный – на бедной. Есть ли в этом какая справедливость? Одно только притеснение для бедных людей. Если бы я был царь, я бы издал такой закон, чтоб богатый женился на бедной, а бедный – на богатой, а кто не послушается, тому смертная казнь» [Островский, т. 2, с. 376]⁴.

Принципиально значимые коррективы в утопическую картину такого мироустройства автор тут же вносит устами свахи Красавиной: «Ну вот когда такой закон от тебя выйдет, тогда мы и будем жить по-твоему; а до тех пор, ты уж не взыщи, все будет по старому русскому заведению: “По Сеньке шапка, по Еремке кафтан”. Это вот тебе еще другая поговорка: “Видит собака молоко, да рыло коротко”» (с. 377).

Бурное развитие капитализма в результате реформ 1860-х гг. отозвалось в духовной жизни России и ростом издательских инициатив, и возросшей плотностью писательских рядов, засверкавших новыми литера-

⁴ Далее текст пьесы Н. А. Островского «Женитьба Бальзаминова» цитируется по этому изданию, в круглых скобках указаны номера страниц.

турными именами, и необратимыми сдвигами в жанровой структуре литературы, где на передний план выдвинулась большая проза в форме романа и повести. Но главные изменения произошли в поэтико-смысловом наполнении изображаемых картин жизни. Если средоточием главного внимания писателей натуральной школы был маленький человек, судьба «горемык», «бедных людей», «униженных и оскорбленных», то теперь центр изображения сдвигается в сторону самих хозяев жизни – «богатых», в целом – сложной структуры социальных взаимоотношений.

Глубокий след в развитии основополагающей темы русской литературы оставил Д. Н. Мамин-Сибиряк, обогатив ее и неповторимым сибирским колоритом, и новыми мотивно-сюжетными проекциями. На новый уровень поднялось художественное исследование русского предпринимательства, купеческого родословия, актуализируя мысль о национальной ответственности капитала, исторического долга его перед народом. Настоящей купеческой сагой вошел в сознание читателя роман «Приваловские миллионы», обретя семиотическую окраску.

В середине 1890-х гг. – пиковое время российского капитализма – вышли в свет романы «Хлеб» (1895) и «Без названия» (1894), где тема неразрывной связи богатства и бедности поднята на высоту исторических судеб России. Сегодня роман с утаенным смыслом «Без названия» открывается новой актуальностью, поражая провидческой смелостью творческой мысли писателя XIX в., силой художественного новаторства.

Главный герой романа Василий Окоемов, выходец из родовитой, но разорившейся семьи, сделал свои миллионы в Америке. Переступив через высокое родословие, он начал с простого матроса на американском судне и, прежде чем достиг успеха в торговом деле, «перепробовал все возможные профессии» [Мамин-Сибиряк, т. 5, с. 253]⁵. Неусыпная, изгладавшая душу тоска по Родине заставила его вернуться домой, но как «не мог он превратиться в сытого американского янки» (с. 256), так и дома не прельстился роскошной и вольной жизнью владельца огромного состояния. «Его тянуло в другую сторону, а в голове созревала грандиозный план» (с. 257).

Движимый чувством патриотизма, Окоемов мучительно ищет ответа, почему Россия – не Америка, почему при несметности природных богатств так беден ее народ, почему пустынная Калифорния превратилась в цветущей

⁵ Далее текст романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Без названия» цитируется по этому изданию, в круглых скобках указаны номера страниц.

ший сад, а Сибирь так и остается необжитым и далеким краем и почему, наконец, так много в России «ненужных» и «лишних» людей. «Грандиозный план» состоял в том, чтобы личным примером использования нажитых миллионов на общее благо разбудить общественную инициативу, привести в соответствие природные богатства страны с уровнем народного благосостояния. Именно с этой целью из «лишних» и «ненужных» людей Москвы он создает акционерную компанию и отправляется с нею на Урал для осуществления далеко идущих планов. Дорожный топос, кстати, по маршруту во многом совпадающий с сибирской поездкой Чехова, в существенной мере определяет и сюжетное движение романа «Без названия».

Окоемов не скрывает, что и по внутренним наклонностям, и по характеру своей деятельности он настоящий купец, и делом его жизни является капитал, богатство, деньги, однако разница же между ним и обычным купцом, «живущим в свою кожу», огромна. В этом смысле Мамину-Сибиряку принадлежит заслуга разрушения сложившегося в русской литературе стереотипа в изображении купечества, полемического покушения на прочную традицию негативизировать образ купца, гипертрофируя в нем черты хищничества, малокультурности, беспредельного своеволия, доходящего до самодурства Диких и Кабаних.

Поэтико-смысловой вектор изображения богатства-бедности претерпевает существенные изменения и в творчестве Чехова. Картины горестного, униженно-оскорбленного существования в нищете («Мужики») и беспредельного лихоимства хозяев жизни («В овраге») уступают место художественному исследованию проблем внутренней жизни богатых: выходят в свет повести «Бабье царство» (1894), «Три года» (1895) и рассказ «Случай из практики» (1898), воспринимаемые как единый цикл с видимым уклоном в мотив «богатые тоже плачут». Здесь тоже страдают от неразделенной любви, потери родных и близких, личного нездоровья, испытывают тревогу от нарастающего чувства ответственности капитала перед обществом, народом, массой трудящихся людей.

В сюжетно-тематической основе всех трех произведений лежит мысль об ответственной миссии наследников «приваливших» к ним миллионов. Далека от душевного покоя Анна Акимовна Глаголева, владелица огромного металлургического завода, доставшегося ей от отца, работа в цехах которого напоминает ей картину ада. Гложущее чувство вины за кричащий контраст собственного богатства с нищетой рабочей массы тщетно пытается она восполнить щедрой благотворительностью, в конечном счете убеждаясь в паллиативности этого средства и зависимости сложившихся

в мире отношений от каких-то высших, неподвластных человеку сил и недоступных ее пониманию.

Во власти их оказывается и госпожа Ляликова, владелица ткацкой фабрики из пяти корпусов, единственная дочь которой, законная наследница родовых капиталов, больна какой-то болезнью, вгоняющей ее в неодолимую тоску и бессонницу. Прозорливо усматривая причины болезни не внутри организма богатой пациентки, а в социальных обстоятельствах ее жизни, приехавший по вызову доктор Королев в ночной беседе с ней говорит: «Вы в положении владелицы фабрики и богатой наследницы недовольны, не верите в свое право и теперь вот не спите, это, конечно, лучше, чем если бы вы были довольны, крепко спали и думали, что все обстоит благополучно. У вас почтенная бессонница; как бы то ни было, она хороший признак» [Чехов, 1977, т. 10, с. 84]⁶. Но тот рецепт, который дает доктор Королев Лизе Ляликовой, опираясь на свои представления о людях: «лет через пятьдесят» «побросают все и уйдут», – не отражает суровых реалий действительности, полон несбыточности и эфемерности, а главное – судя по смеховой реакции доктора на серьезный разговор – не отражает сложности авторской позиции.

«– Куда уйдут?

– Куда?.. Да куда угодно, – сказал Королев и засмеялся» (с. 85).

О том, как глубоко и безостановочно задумывался писатель над вопросом о развитии отношений бедных и богатых, о путях сохранения национального богатства свидетельствует одно из самых крупных произведений Чехова – повесть «Три года» (1894). Она выросла из его замысла «большого романа о московской жизни» и в полной мере сохранила эпический потенциал романного жанра, опирающийся во многом и на опыт близких ему по духу писателей – Д. Н. Мамина-Сибиряка, И. П. Потапенко и др., откликающийся и на кричащие своей остротой живые реалии в развитии российского капитализма, в частности обострения темы родового наследования миллионов. Сохранились документальные свидетельства того, как лично вживался Чехов в животрепещущую тему литературы 1890-х гг. В письме матери от 3 марта 1894 г. Д. Н. Мамин-Сибиряк сообщает: «Я видел много богатых наследников, как сын Рубинштейна, сын Щедрина, сын Достоевского (завел скаковую конюшню), сын второй Демидова – всё это глубоко несчастные люди, придавленные родительскими капита-

⁶ Далее текст повести А. П. Чехова «Случай из практики» цитируется по этому изданию, в круглых скобках указаны номера страниц.

лами. Мы разговаривали с Чеховым на эту тему... Чехов заявил категорически, что если бы у него были дети: он не оставил бы им буквально ни гроша, потому что не желает их губить. Это глубоко верно...» [Мамин-Сибиряк, 1981, т. 5, с. 383).

По причине старческой немощи отца и внезапной болезни брата Федора герой повести «Три года» Алексей Лаптев в одночасье становится единственным наследником огромного состояния – крупной торговой фирмы, известной не только в Москве, но и за границей, однако радости не испытывает. Внезапно «привалившие миллионы» страшат его. Как человеку другой культуры, с университетским образованием, знающему иностранные языки, любящему искусство, ему глубоко чужды атмосфера расчета и бездуховности, царящая в доме на Пятницкой, и в конторе – «амбаре» отца, но ни совету «все бросать и уйти», ни соблазну легкой жизни на родительское достояние, подобно многим детям исторически известных представителей российского предпринимательства, он не следует. Должно было пройти целых три года, чтобы мысли, чувства и поведение героя обрели равновесие, проросли ответственностью за родовое наследие. Читатель видит, как последовательно вживается он в наследственное дело: входит в тайны его финансовой политики, устанавливает деловые контакты с доверенными людьми; боясь прослыть «плантатором», проявляет заботу об улучшении труда и быта работников фирмы и, что немаловажно, не забывает «делиться» своим благосостоянием с бедными людьми, среди которых, кстати сказать, оказывается немало людей, склонных к попрошайничеству, тунеядству и даже вымогательству.

Эпическую глубину повести «Три года» выявляет то, что Чехов уловил особое состояние идеологической мысли 1890-х гг., когда отношения между богатством и бедностью перешли в состояние перманентной борьбы за передел собственности, когда понятие «борьбы» было переведено в статус социальной нормы, органически приведшей к революции – сначала 1905-го года, а затем и Великой Октябрьской социалистической революции. Не следует забывать, что ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», идеологически фундаментирующий русские революции, был создан именно в те самые 1890-е гг. Чехов умер в 1904 г., не дожив до революции 1905-го года всего несколько месяцев и, не будучи ни революционером, ни постепенцем, некоторые стороны ее отразил.

В знаменательно известном сборнике «Вехи» (1909), авторы которого пытаются осмыслить причины и итоги революции 1905-го года, в статье «Этика нигилизма» С. Л. Франк размышляет: «Современный социальный

оптимист, подобно Руссо, убежден, что все бедствия и несовершенства человеческой жизни проистекают из ошибок или злобы отдельных людей или классов. Проблема человеческого счастья есть с этой точки зрения проблема внешнего устройства общества, а так как счастье обеспечивается материальными благами, то это есть проблема распределения. Стоит отнять эти блага у несправедливо владеющего ими меньшинства и навсегда лишить его возможности овладеть ими, чтобы обеспечить человеческое благополучие... Кто раз был соблазнен этой оптимистической верой, того уже не может удовлетворить непосредственное альтруистическое служение изо дня в день, ближайшим нуждам народа; он упоен идеалом радикального и универсального осуществления народного счастья» [Франк, 1991, с. 158].

Мысль о том, что фетишизация бедности относится к категории исторических заблуждений в той же степени, что и борьба с «богатыми», осуществляется в повести «Три года» через образ Кости Кочевого. Выкормыш Лаптевых, взятый в богатый дом из сострадания к его бедности и сиротству, получивший образование на деньги Алексея Лаптева («Алеша за него платил»), он не испытывает к своим благодетелям ответной благодарности: из него выработался типичный представитель «этики нигилизма» эпохи развитого капитализма. С врожденным чувством неприязни к богатым своим профессиональным долгом адвоката он считает вынесение оправдательного приговора обвиняемому в преступлении бедняку любой ценой. Его убеждение «не ждать нужно, а бороться» передает ту глубину общественного «нетерпения», которое не однажды приводило Россию к революциям и которое было глубоко чуждо Чехову с его неизбывной верой в «непосредственное альтруистическое служение, изо дня в день, ближайшим нуждам народа». Неопровержимым доказательством «непосредственного», т. е. практически-действенного альтруизма Чехова служат его письма, заключающие поездку в Сибирь. «Хорош белый свет. Одно только не хорошо: мы, – пишет он А. Суворину. – Как мало в нас смирения, как дурно понимаем мы патриотизм... Работать надо (выделено мною. – Л. Я.), а все остальное к черту. Главное – надо быть справедливым, а остальное все приложится» [Чехов, 1977, т. 4, с. 141].

Победа Великой Октябрьской революции обусловила новый этап осмысления генеральной темы литературы. В советской литературе сложилась традиция негативизировать человеческую склонность к зажиточности, трактовать ее как проявление мещанства, обывательских пережитков, воспринимать образ богатого с обязательным знаком отрицательности,

a priori ставя на нем клеймо духовной и нравственной неполноценности. Сочувствовать богатым было не принято; показательно, что формула «богатые тоже плачут» входила в житейский обиход даже в 80-е гг. с оттенком непривычности...

Проведя насильственную смену форм собственности, своего рода имущественный перекувырк, т. е. переброс богатых шинелей на плечи бедных, революция сменила шкалу ценностей: если раньше необходимо было доказывать, что «бедность не порок», то теперь «непорочность» следовало доказывать богатому.

Социально-идеологическая конъюнктура проникала всюду, всевластно господствовала она и в литературоведении. Непосредственно же в советской литературе защитная сила бедности и происхождения из низов нашла свое отражение в таком феномене, как выбор псевдонимов писателями. Если судить по ним, ни в одной литературе мира не было такого количества писателей, прорвавшихся к свету культуры из бездны горькой нужды, бездомности и безвестности: Максим Горький, Демьян Бедный, Максим Горемыка, Степан Скиталец, Павел Низовой, Иван Приблудный, Михаил Голодный...

Типичный для советской литературы характер такого выбора точно схватил М. Булгаков, наделив своего героя из числа советских поэтов именем Ивана Безродного.

И хотя советская власть ориентировала искусство на неукоснительное следование идейно-эстетическим принципам социалистического реализма, реальная картина выглядела много сложнее и богаче, в том числе демонстрируя разнообразие подходов и в художественной разработке сквозной для русской литературы темы богатства-бедности прежде всего в аспекте достижения всеобщего равенства, специфическими формами проявления которого стали в России раскулачивание в деревне и квартирное уплотнение в городе. Щедрую дань живописанию новых реалий отдали писатели самых разных творческих почерков – Л. Леонов, М. Булгаков, В. Лавренев, Вс. Иванов, сосредоточенность же в данном случае внимания на творчестве Вс. Иванова объясняется тем, что, обнаружив читательскую причастность к литературной трилогии XIX в., писатель на этой основе создает прецедент богатого художественного интертекста. Главный герой его повести «Возвращение Будды» (1923) профессор восточной культуры Виталий Витальевич Сафонов, прежде чем согласиться на командировку по сопровождению позолоченной статуи Будды на Восток, успел испытать мучительное чувство голода, и однажды, возвращаясь домой, на пути от

Мойки к арке Генерального штаба встретил женщину, несущую под мышкой конскую голову, и в жадном нетерпении спросил: «Продаете?». И женщина, стыдливо глядя себе в ладонь, сказала: «Нет». Да, люди стыдятся быть богатыми, – подумал профессор, – им стыдно иметь конскую голову [Иванов, 1991, с. 32].

Смысловая акцентированность фразы, а главное – ее интертекстуальный характер очевидны. Она отчетливо сопрягается с нравственно-этической оценкой понятий богатства и бедности в категориях стыда, совести, вины в литературе XIX в., прежде всего в романе «Бедные люди», только теперь, в результате революционной смены форм собственности, «стыдятся быть богатыми», точнее было сказать: не столько «стыдятся», сколько боятся «быть богатыми». Преодолевая долгий «железный путь» от Петрограда до монгольских границ, профессор убеждается: «пальто сейчас закапывают: Россия ходит в шинелях» [Там же, с. 53].

Шинель как знаковая граница богатства-бедности всплывает в тексте Вс. Иванова как говорящая лексема: шинель становится знаком социального равенства, обытовленным символом достигнутого в ходе революции равноправия.

То, что в повести «Возвращение Будды» обозначилось в латентной форме, в рассказах сборника «Тайное тайных» (1927) оказалось развернутым в целые сюжетно-образные картины, хорошо проработанные характеры. В плане исторической игры концептов богатства-бедности важен рассказ «Плодородие», являющийся центральным в книге «Тайное тайных». Сам писатель склонен был отводить ему особое место в своих творческих исканиях: «Мне бы хотелось, – писал он Горькому, – чтобы вы прочли, Алексей Максимович, – рассказ мой новый «Плодородие». Там все мои последние думы» [Иванов, 2012, с. 327]⁷.

В центре изображения – затерянное в горах Алтая крепкое кержацкое село: писатель воспроизводит деревенский мир, еще не затронутый ходом революционных преобразований, еще сохраняющий добрые традиции патриархального уклада – исконной привязанности к земле, уважения к чужой собственности, трудолюбия, взаимопомощи... Еще не ушла отсюда атмосфера плодородия, слитности с природно-естественными началами жизни.

⁷ Далее текст книги Вс. Иванова «Тайное тайных» цитируется по этому изданию, в круглых скобках указаны номера страниц.

Но уже появились тревожные симптомы грядущих перемен, уже витает страх перед неизбежным будущим. Связан он с пугающим словом «партия», с непонятными переменами в поведении некоторых односельчан, например, Мартына. К таким, как он, в трудолюбивом кержацком селе привычно сложилось пренебрежительное отношение и не потому, что беден, а потому, что беден из-за лени и нерадивости к хозяйству. Живописание личности бедняка Мартына сопровождается в рассказе таким обилием колоритных социально-психологических красок и выразительных подробностей, что авторское стремление убедить читателя в лени, нерадивости и бесхозяйственности героя как главной причине его бедности, может показаться даже избыточным.

Бедный по причине лени, Мартын отнюдь не глуп и не лишен сообразительности. Он чутко улавливает дух и направление наступивших в стране перемен, склоняющихся в сторону выражения интереса бедных – чаще всего путем практической реализации нехитрой формулы «отнять и поделить». Искони привыкшим надеяться лишь на себя и свой труд, верить лишь «стогам, скирдам да Богу» (с. 51) кержакам он угрожает созданием на селе «партии», способной взять их жизнь под свой жесткий контроль. Такого же склонного к тунеядству, как сам, Турукая, «мужика пустого и никчемного» (с. 41) подговаривает: «...давай по селу-то партию устроим, зажмем им гасники-то» (с. 47).

Под надежным прикрытием социального стереотипа «бедный значит правый, бедный значит жертва несправедливости» Мартын способен терроризировать целое село. В страхе перед неведомым кержацкие старики, смиряя гордость и достоинство уважаемых на селе людей, отправляются к Мартыну на переговоры: «Идти им к Мартыну было до мучения тяжело. Они долго еще говорили о погоде и об урожае, наконец оправили сзади старомодные кафтаны и пошли...»

Автор тщательно, с огромной силой достоверности, воссоздает тот внутренний механизм обострения конфликта, когда провокационное поведение Мартына и стихийный страх староверов перед будущим, сомкнувшись воедино, приводят к трагическому финалу – гибели Мартына от мужицкого самосуда. «Когда Мартын стих и перестал даже подергиваться, лысый старик вытер пот, оправил рубаху, перекрестился. – Миром согрешили, миром и отвечать» (с. 58).

По сути дела вековечный конфликт бедных-богатых, проявившись в ситуации победы пролетарской революции, получает у Вс. Иванова необычное ни для русской, ни для мировой литературы разрешение. Страда-

тельной стороной в нем оказываются скорее богатые, чем бедные, подобно тому, как подверглась тотальному раскулачиванию масса зажиточного крестьянства. Не доведенные классовым неравенством и угнетением до отчаяния бедняки убивают богатея, а вершат мирской суд богатые, доведенные до праведного возмущения поведением бедняка, и хотя самосуд в любом случае лишен оправдания, есть в действиях кержаков какой-то внутренний резон, мешающий признать невиновность Мартына.

В понимании конфликта, разразившегося в селе Ильинском, писатель и современная ему критика разошлись кардинально. Воспроизводя общий фон сложившихся на селе отношений, автор пишет: «Сельчане были старожилы – кержаки по-алтайскому – любили с благочестием помогать друг другу, любили, чтобы упоминали часто о такой помощи. А Мартын все забывал и благочестием его наполнить так же трудно, как бочку плевками» (с. 36). Однако до критиков не дошли сложность и своеобразие воспроизведенной в «Плодородии» конфликтной ситуации: в Мартыне увидели только несчастную и невинную жертву «эгоистической, крепкой, собственнической, дикой и тупой кержацкой деревни» [Папкина, 2012, с. 419], не заметив в позиции автора стремления к глубинному анализу ее социальных противоречий, зато обвинив его в «странном иррационализме» и «самодовлеющем психологизме» [Там же, с. 417].

Важно отметить, что эта тенденция оправдания бедного Мартына сохранялась вплоть до перестроечных времен, в чем можно убедиться, обратившись к трудам советских исследователей о литературном процессе 1920-х гг. и, в частности, к осмыслению в их контексте творчества Вс. Иванова: «В основе всех внешне непонятных поступков Мартына, – утверждает В. В. Бузник, – лежит бессознательный протест против рутинного существования, желание взорвать благополучную неподвижность быта в зажиточном сибирском селе, разрушить сытое довольство обывателей. И богатеи, безошибочно угадавшие в Мартыне своего кровного врага, под конец рассказа садистски забивают насмерть этого возмутителя спокойствия» [Бузник, 1978, с. 343].

Сегодня многое, если не всё, в подобной трактовке образа Мартына вызывает взрыв возражений: почему исследователь определяет поведение Мартына как «бессознательный протест»? Мартын действует очень осмысленно, исходя из трезвого понимания политико-экономических тенденций революционного времени. Когда всё перевернулось и еще не начало укладываться, «переклубилось» и понятие собственности, представления о богатстве и бедности поменялись местами «до основанья». Рево-

люция дала бедности невиданные ранее предпочтения, формула «кто был ничем, тот станет всем» обрела буквальный смысл: бедность открывала невиданные социальные перспективы – вступления в партию, получения высоких должностей, обретения власти над людьми. Именно за это прежде всего ухватился «зряшный, пустой» Турукай, услышав вопрос Мартына: «А ты, Турукай, в партию не хошь?» [Вс. Иванов, 2012 с. 46], в надежде, что сам Ленин скажет, «а пошто Турукаю не быть у меня главнокомандующим, если он у меня в партии. Надевай на Турукаю ордена и давай ему коня арапской породы» [Там же, с. 47].

Обвиняя кержаков в «саdistском забивании насмерть», не следует обходить вниманием и то, что всё их поведение спровоцировано садистским поступком Мартына по отношению к добропорядочной сельчанке Елене, вполне соответствующим его намерению распространить принцип «отнять и поделить» и на женскую красоту: «...конец вам подходит... Буде с бабами валяться, буде... дай другим, а?» [Там же, с. 49]. В этом контексте совершенное Мартыном в горах насилие над Еленой («Потом баба... долго ползала вокруг березы, распутывая с ее сучьев свои косы» [Там же, с. 51] – предстает как обытовленная норма разрешения любовного конфликта в эпоху революции и как та грань, за которой возмущение сельчан поведением Мартына переходит в самосуд. Наконец, в приближении к 1990-м гг. неприкрытой фальшью отдает неприятие материального «благополучия», «зажиточности», «сытого довольства», вообще спокойной, не грозящей взрывами жизни, устойчивого существования и развития. Именно под этим знаменем и шли на Перестройку, не предполагая, что, ознаменовавшись очередным переделом собственности, она, как и всякая другая революция, обернется всё тем же исторически неизменным жестом переброски вождельной шинели с одних плеч на другие.

И хотя в рассказе «Плодородие» завязан целый узел неразрешимых конфликтов, порожденных ходом революции, в данном случае важно то, что многие из них проросли из зерна одной, казалось бы, случайной и проходной сцены повести «Возвращение Будды», более того, даже одной фразы, обращенной к осмыслению новых связей, которые возникли в послереволюционный период между концептами бедности и богатства.

Художественная уникальность рассказа «Плодородие», его эмоционально-поэтическое и смысловое своеобразие заключаются в потаенной силе его интертекстуальности, уходящей корнями и в архетипы народного сознания, и в литературные глубины, прежде всего русской литературы первой половины XIX в., когда с появлением литературной трилогии

Пушкина, Гоголя, Достоевского концепты бедности и богатства были осмыслены в онтологической связи с нравственно-этическими категориями стыда, совести, вины, и русская литература обрела прочный фундамент осмысления вечных вопросов о путях достижения справедливости.

Сегодня трудно ответить на вопрос, является ли то текстуальное сцепление, которое возникло в рассказе Вс. Иванова с произведениями XIX в., сознательным и глубоко продуманным творческим ходом или восходит к вечной тайне нечаянных схождений, «блуждающих снов» литературы. В любом случае оно увеличивает потенциал «последних мыслей» автора, придавая им особую остроту и напряженность, поистине историческую неизбывность.

Российская действительность конца XX – начала XXI в., ознаменовавшаяся новой социальной встряской, связанной с очередной сменой форм собственности, придала мотивному концепту бедности-богатства остроту новой актуальности. Эмоционально-психологическая, равно как и социально-идеологическая, оценка богатства-бедности изменилась до неузнаваемости, до полной противоположности. Многомиллионные массы вновь оказались ввергнуты в бедность и нищету, богатые перестали стыдиться своей тяги к непомерной роскоши. Достигший предела разрыв в социальном положении богатых и бедных, с неизбежной силой обращая к перепроцессу классических текстов, предрасполагает к такому обострению стыда и совести, которое из категории эмоционально-психологических вновь переводит их в статус реальных средств переосмысления и перестройки сложившихся порядков жизни.

Список литературы

- Бузник В. В.* Русская советская проза двадцатых годов. Л., 1978. 279 с.
Гоголь Н. В. Шинель // Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 6 т. М., 1959. Т. 3.
Достоевский Ф. М. Бедные люди: Роман // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 1.
Иванов Вс. Возвращение Будды. Чудесные похождения портного Фокина. У. М.: Изд-во «Правда», 1991.
Иванов Вс. Плодородие // Иванов Вс. Тайное тайных. М.: Наука. 2012. С. 35–58. Примечания. С. 454–459.
Купреянова Е. И. А. С. Пушкин // История русской литературы: В 4 т. Л.: Наука, 1981. Т. 2. 656 с.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Без названия: Роман // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 5.

Мейлах Б. С. Пушкин Александр Сергеевич // КЛЭ / Под ред. А. А. Суркова. М., 1971. С. 92–105.

Островский А. Н. «Зачем пойдешь, то и найдешь» («Женитьба Бальзамина») // Островский А. Н. Собр. соч.: В 10 т. М., 1959. Т. 2.

Папкова Е. А. Книга Всеволода Иванова «Тайное тайных»: на перекрестке советской идеологии и национальной традиции. М.: ИМЛИ РАН, 2012. 620 с.

Переписка Вс. Иванова и А. М. Горького 1924–1928. Вс. Иванов – А. Горькому. 20 декабря 1925, Москва // Иванов Вс. Тайное тайных. М., Наука, 2012. С. 327.

Пушкин А. С. Станционный смотритель // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1957. Т. 6.

Франк С. Л. Этика нигилизма // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 153–184.

Фридендер Г. М. «Бедные люди» // История русского романа: В 2 т. / Под ред. Г. М. Фридендера. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1962. Т. 1. 627 с.

Чехов А. П. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1977. Т. 4.

Чехов А. П. Случай из практики // Чехов А. П. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1977. Т. 10.

References

Buznik V. V. Russkaya sovetskaya proza dvadtsatykh godov [The Russian Soviet literature of 20s]. Leningrad. 1978, 279 p. (in Russ.)

Chekhov A. P. Complete collection of works. In 30 vols. Moscow, 1977, vol. 4. (in Russ.)

Chekhov A. P. Sluchay iz praktiki [Instance in practice]. In: Chekhov A. P. Complete collection of works. In 30 vols. Moscow, 1977, vol. 10. (in Russ.)

Dostoevsky F. M. Bednye lyudi [Poor people]. In: Dostoevsky F. M. The complete works. In 30 vols. Leningrad, Nauka, 1973, vol. 1. (in Russ.)

Frank S. L. Etika nigilizma [The ethics of nihilism]. In: Vekhi. Intelligentsiya v Rossii [Milestones: Comp. Art. about the Russian intelligentsia]. Moscow, 1991, pp. 153–184. (in Russ.)

Fridlender G. M. “Bednye lyudi” [Poor people]. In: Istoriya russkogo romana [The history of Russian Novel]. In 4 vols. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1962, vol. 1. (in Russ.)

Gogol N. V. Shinel [Overcoat]. In: Gogol N. V. The complete works. In 6 vols. Moscow, 1959, vol. 3. (in Russ.)

Papkova E. A. Kniga Vsevoloda Ivanova “Taynoe taynykh” [The book of Vs. Ivanov “Mystery of mysteries”]. Moscow, IWL RAS, 2012, 620 p. (in Russ.)

Ivanov Vs. Vozvrashchenie Buddy. Chudesnye pokhzhdeniya portnogo Fokina [The Budda's return. The marvelous adventures of the tailor U. Fokin]. Moscow, Pravda, 1991. (in Russ.)

Ivanov Vs. Plodorodie [Fertility] In: Ivanov Vs. Taynoe taynykh [Mystery of mysteries]. Moscow, Nauka. 2012, pp. 35–58, 454–459. (in Russ.)

Kupreyanova E. I. A. S. Pushkin. In: Istoriya russkoy literatury [History of Russian literature]. In 4 vols. Leningrad, Nauka, 1981, vol. 2, 656 p. (in Russ.)

Mamin-Sibiriyak D. N. Bez nazvaniya [Without name]. In: Mamin-Sibiriyak D. N. Collected works. In 10 vols. Moscow, 1981, vol. 5. (in Russ.)

Meylakh B. S. Pushkin Aleksandr Sergeevich. In: Surkov A. A. (ed.). Short Literary encyclopedia. Moscow, 1971, pp. 92–105. (in Russ.)

Ostrovsky A. N. “Zachem poydesh', to i naydesh'” (“Zhenit'ba Bal'zamino-va”) [“Why go then you will find” (“Balzaminov's marriage”)]. In: Ostrovsky A. N. Collected works. In 10 vols.]. Moscow, 1959, vol. 2. (in Russ.)

Perepiska Vs. Ivanova i A. M. Gor'kogo 1924–1928. Vs. Ivanov – A. Gor'-komu. 20 dekabrya 1925, Moskva [Written exchanges of Vs. Ivanov and A. M. Gorky. 25 of December, 1925, Moscow]. In: Ivanov Vs. Taynoe taynykh [Mystery of mysteries]. Moscow, Nauka, 2012, p. 327. (in Russ.)

Pushkin A. S. Stantsionnyy smotritel' [Station Master]. In: Pushkin A. S. The complete works. In 10 vols. Moscow, 1957, vol. 6. (in Russ.)

Информация об авторе

Людмила Павловна Якимова, доктор филологических наук

Information about the Author

Lyudmila P. Yakimova, Doctor of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 01.02.2022;

одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 15.03.2022

The article was submitted 01.02.2022;

approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 15.03.2022